

Яблочный спас.

Они сидели за старым столом, покрытым потрескавшейся клеенкой. Они – это трое неразлучных дружков, почти, как у Расторгуева Серега, Колька и Витек, только вот вместо Кольки и Витька, Димка и Санек. Старшему Сереге скоро должно было стукнуть 18, Димке исполнилось 16, а вот Саньку и 15 не набралось и старшие называли его малым. Сидели в Серегиним доме, если можно так громко назвать послевоенную саманную постройку из двух маленьких комнатушек. Парень гордился и таким жильём, ведь благодаря ему, никто не сможет обозвать Серегу позорным словом бомж. Всю свою сознательную жизнь Серега прожил с бабушкой, скончавшейся пол года назад и оставившей внуку этот домишко.

Мать свою, Тамару Сергеевну парень почти не знал, ее не стало, когда ему было 4 года. Лишь 2 картины Связанные с мамой, запомнилась ему, даже не запомнились, а глубоко и больно врезались в детскую память, навсегда ошеломив ее ужасом и безысходностью. Серега хорошо помнил, как возвращались они с мамой из садика. Шли вдоль трассы, мальчик жевал банан и разглядывал козу с козлятами, пасшихся на другой стороне дороги, шнурок на его ботинке развязался и мама присела, чтоб потуже затянуть его. Роскошную «Гоёту», мчавшуюся на бешеной скорости прямо на них, заметила только тогда, когда машина была совсем рядом. Единственное, что успела сделать тогда, откинула от себя сына. Материнский инстинкт оказался выше всего. Не успев ничего сообразить, мальчик шлёпнулся в пыльную лебеду и поначалу даже обиделся на маму, за что это, она швырнула его. Переплакав, огляделся посторонам. Вокруг никого, а на асфальте мама, лежит не шевелится, только тоненькая алая струйка стекает из-под блестящей заколки, стягивавшей её пышные волосы.

Проезжавший мимо водитель такси, вызвал по мобильнику скорую и ГАИ и обе службы прибыли довольно быстро. Осмотрев место происшествия, гаишники составили протокол для порядка, а между собой решили « глухарь» полнейший, ведь единственным свидетелем ДТП был икающий от страха, ребёнок и вразумительных показаний он дать не мог. «Гоёта» была уже где-то далеко, да и её искать никто бы не стал, ведь всё произошло в лихие 90-е. От полученной черепно-мозговой молодая женщина скончалась ещё по дороге в больницу.

Отчетливо помнил он ослепительно – красную крышку гроба, в котором лежала мама удары молотка на кладбище, стенание бабушки и ноющий вопль пьяного отца, задающего вопрос в безмолвие:

- Томочка, ласточка моя, а как-же мы с сынком?

Жизнь сама ответила на этот риторический вопрос. Отец сначала страшно запил, а потом подался в Россию на заработки. Внука забрала к себе бабушка, жившая на соседней улице. Сначала заботливый родитель даже несколько раз присылал сыну деньги, а потом ни помощи, ни весточки. Сгинул, видно, где-то на севере, или сделал вид, что сгинул. Одним словом, остался Серёга жить с бабой Люсей в её старенькой хатёнке.

Работая медсестрой, бабушка тянула полторы, а то и две ставки, чтобы хоть как-то прокормиться с внуком, которого любила и жалела больше жизни. Серёжа тоже любил бабушку, но спустя некоторое время, смекнул, что является единственным светом в её окошке. «Свет» этот научился обманывать, дурачить и откровенно принепрегать своим «кокошком». В 11 лет мальчик впервые попробовал спиртное. Самогон вонял мерзко и отвратительно, от него тошнило, но держа в руке гранёную стопку, Серёга сам себе казался солидным и взрослым, ну прямо, настоящим мужиком. Состояние опьянения ему понравилась. Понимая весь ужас происходящего, бедная баба Люся просила внука не пить, отчаявшись даже бить его пыталась, после чего сама горько плакала, но всё четко. В 16 Сергея, с полным правом, можно было назвать стойким выпивохой. Измученная тяготами жизни, бабушка заболела и слегла, денег на лечение не было. Чувствуя, что уже

не встанет, старушка тихо лежала на своей железной кровати на кухне, более просторный и светлый зал, она давно уже отдала внуку и часто, едва слышно молилась, подняв глаза к потрескавшемуся потолку:

- Господи Иисусе, вразуми раба своего Сергия не пить водку и наставь его на путь истинный.

Эти молитвы раздражали парня

Опять забубнила, вроде я алкаш конченный.

В одну из апрельских ночей, надоевшие молитвы стихли, стихли вместе с её дыханием. Сельская больница кое-как похоронила свою бывшую сотрудницу. Серёга с перепугу напился так, что и на кладбище не смог поехать. После смерти бабушки, совсем забросил школу и жил, перебиваясь случайными мизерными заработками. Мыл машины, пока конкуренты не прогнали, сдавал метал и макулатуру. Дохода от таких промыслов хватало лишь на пляшку да на пачку самых дешёвых сигарет, хлеба и того не всегда удавалось купить. Парень ждал наступления зимы, он твёрдо решил, чем займётся тогда, станет бомбить крутые дачи, когда хозяева с них съедут.

Димку тоже воспитывала бабушка, отец его за что – то мотал длинный срок, а мать работала нянькой в далёкой Италии. Много наших украинских женщин отдавали тогда, да и сейчас отдают тепло своих великих славянских душ чужим детям и старикам, не оставляя его для своих родных. Горько сознавать, что сытая Европа достойнее оценивает этот, ни с чем не сравнимый дар простых славянок, поэтому и платит за него больше, а у нас... Вот и Димкина мать заботливо нянчила богатого малыша, получала высокую зарплату и регулярно высылала сыну деньги, от того, среди всей тройки Димка считался «крутым». Каждый год в августе ей давали отпуск, маманя привозила своему мальчику кучу дорогих шмоток и улетая снова, клятвенно обещала, что эта поездка последняя, что она вернётся и вплотную займётся воспитанием сына. Так продолжалось из года в год. Бабку парень особо не праздновал и благодаря деньгам, он в свои 16 вкусил уже все доступные запретные плоды и водку, и сигареты, и девочек.

Малой Санёк, в отличии от других, имел и отца и мать, но те квасили по – черному и мальчик рос сам по себе. Как это быть пьяным, Малой узнал ещё в 10 лет. Напившись вдрызг, родители уснули, оставив на столе бутылку вина. Санёк прочитал этикетку «Ароматы степу», название красивое. Подумал:

- Наверное, сеном душистым пахнет, как у дедушки в деревне.

Понюхал, нет не сеном, а какими – то карамельками, лизнул горлышко, сладкое. Налил полнёхонький стакан и прицмакивая, осушил его. Вкусно! В головёнке всё закружилось, затанцевало, самому захотелось скакать и прыгать. Вот это клёво! Пошатываясь, выплыл за калитку, но земля вдруг непонятно закачалась и бедный Санёк грохнулся на траву, больно ударившись лбом об угол железной лавочки. Ничего не почувствовав, мгновенно потерял сознание. Соседи вызвали скорую. Пожилой хирург, накладывая скобы на лоб пьяного ребёнка, сокрушённо покачал головой:

- Деточка, чтож тебя дальше ждёт?

Всё обошлось относительно благополучно, за исключением того, что нежный детский лобик навечно остался перепуханным безобразным розовым шрамом. Проспавшийся папаша ласково потрепал сынишку по плечу и по – отечески успокоил:

- Не переживай, обормотик мой, зато то это так сказать, твоё первое боевое крещение. Это столь длинное описание начала жизни всех троих можно подитожить одной нашей мудрой украинской поговоркой я «ростуть, як бур'ян при дорозі».

Вот и сейчас они снова собрались вместе, с единственным желанием бухануть, но за что? У Серёги не копейки, про Санька и говорить не стоит, зато Димка всегда при

деньгах. Снисходительно улыбаясь, он с достоинством вынул из кармана настоящих штатовских джинсов пятигривенную бумажку и медленно растягивая слова, повелел:

- Серый, дуй к бабе Зине, а ты, Малой, загрызнуть чего – нибудь приволоки.

Бабой Зиной звали местную самогонную «бизнеследи», спаивавшую своим пойлом всех желающих. У пацанов и глаза загорелись:

- Ничё себе, тут же на целую литру хватит!

Хозяин дома заколебался:

- Да она же без тары не даёт, а я все бутылки давно уже позадал.

И здесь предприимчивый Димка нашёл выход из положения:

- Ой, не выделяйся, на чердаке у тебя куча банок, что баба на закрывачку собирала.

Серёга смущённо проговорил:

- Да я не выделяюсь, а просто забыл про них.

- Ну и хорошо, что забыл, а то все бы уже в стеклоприёмке были.

Серёгу задела эта насмешка, но смолчал, куда деваться, деньги Димкины, а выпить хочется. Достал литровую банку, кое – как стёр с неё пыль и зажав в кулаке пятёрку, помчался за самогоном. Санёк тоже бросился выполнять поручение состоятельного дружка.

Через четверть часа стол уже был накрыт. Посредине банка с заветной житкостью, накрытая б/у жестяной крышкой, заботливая самогонщица пожалела сироту и дала крышку, что – бы товар не расплескался. На закусь несколько пупырышчатых огурчиков и 2 пригоршни спелой терновки, которые Санька стянул с соседского огорода, на своём родители ничего не садили. Налили по одной, выпили, закурили, потом ещё и снова закурили. Стало потихоньку растаскивать. На Димку нахлынула меланхолия, он откинулся на спинку стула и мечтательно протянул:

- Пацаны, а я сегодня яблоки свяченые ел, бабуленция из церкви приволокла, ведь сегодня же Яблочный Спас.

Серёга подумал, что раньше он тоже всегда ел такие яблоки, которые приносила ему его баба Люся. Каждый год 19 августа, пройдя из церкви, она выкладывала на этот самый стол свячёные яблоки, мёд и зажигала свечку. Аромат душистых плодов и сладковатый запах горящего воска наполняли их маленькую кухню и на душе становилось празднично. Разрезая яблоки пополам, бабушка вырезала из них серединку и накладывая в неё мёд, давала их внуку. Осторожно откусывая яблоки, мальчик медленно жевал их, с наслаждением ощущая, как вкус кисловатого сока смешивается во рту со сладким мёдом. Парню вдруг до боли в сердце, до оскомы в челюстях захотелось снова почувствовать это необыкновенный вкус, но на столе сейчас пол литра самогона да несколько фиолетовых терновок. Серёга едва зубами не заскрежетал от внезапно нахлынувшей тоски и отчаянно взглянув на пустую бабушкину кровать, выпалил:

- Слиште, мужики, давайте мою бабулю помянем.

Помянули, как положено, не чокаясь, Серёга даже перекреститься хотел, да пацанов постеснялся, вдруг смеяться стан Санёк совсем рассоловел и стал засыпать, а в банке уже и дно виднётся. Глядя на мальчонку, Димка досадно цмокнули проговорил:

- Сказано малой, давай, Серый допьём, чтоб не испарилась и на улицу пойдём, душно как – то.

Осушили литруху и взяв Санька под руки, потащили его во двор, хотя и самих изрядно штормило. Августовская ночь обняла их лёгкой прохладой и звонкими трелями кузнечиков. Уселись на полусгнивший ствол тополя, который, как ни странно, в этом году начал пускать свежие зелёные побеги. Сергей хотел отламать иолодную ветку, то та не поддаваясь его силе, больно хлеснула парня по рукам. Он рассердился:

- Да ну тебя, думал, что его черви уже источили, а тут, гляди ты, жизнь пробивается.

Пить уже больше не хотелось. Всесильный сейчас хмель уже овладел их почти детскими рассудком и полностью хозяйничал в нём, вызывая необыкновенные желания.

Пацанам захотелось испытать каких –нибудь острых, ни с чем не повторимых ощущений, короче говоря, настоящего экстрима. Как реализовант диковинные желания придумать никак не могли. Что – бы эдакого сделать? Серёга предложил:

- Пошли к Янке, её, говорят, из бурсы выгнали и она сейчас дома.

Охмелевший Санёк всё же уловил смысл сказанных слов и отрицательно покачал головой, которая и без того всё время падала на грудь. Зачем ходят к Яне он, конечно, знал, но и понимал, что сам ещё не дорос до этого. Димка нараспев возразил:

- На фиг мы ей нужны сейчас, её сегодня какой – то крутой на Мерсе к себе на дачу увёз, сам видел.

Выпитое количество спиртного продолжало настойчиво сверлить мозг и требовала удовлетворить пьяные эмоции. Димка шлёпнул себя ладонью по лбу и облегчённо выпалил:

- О придумал, пошли на кладбище!

Засыпающий снова Малой, встрепенулся и испуганно выдохнул:

- Вы чё, поехали, ведь ночь сейчас.

Медлил с ответом и Серёга, боязно всё – таки. Из темноты раздался насмешливый голос Димки:

- Что, Серёга, слабо?

Это презрительное « слабо» больно, уже невыносимо резануло душу парня острым ножом.

- Ну до каких пор Димон будет опускать его? Нет, он сейчас докажет ему, что не слабак он и ничего не боится.

Серёга решительно поднялся и едва сковывая желание утвердиться в Димкиных глазах, тихо, но очень твёрдо произнёс:

- Пошли.

Сказано - сделано. Через каких –нибудь 20 минут добрались до сельского кладбища, находившегося на горе, и на мгновенье остановились. Внизу редкими уже огнями светился посёлок, доносился приглушённый лай собак и шум автомобильной трассы, а здесь царило полное безмолвие, даже неугомонные кузнечики молчали. Настоящее царство мёртвых, которое никто не должен нарушать, тем более, в такую пору. У самой изгороди Санёк робко предложил:

- А, может, дальше не пойдём?

Задыхаясь от нахлынувшего волнения, Серёга возразил:

- Нет, ведь договаривались идти на кладбище, а не до него.

Перелезли через ограду и пошли по центральной аллее. Малой протиснулся между двумя старшими и старался шагать по – середине, боялся.

Тишина вокруг и тьма такая кромешная, что протяни руку - собственных пальцев не увидишь. Прошли с добрую половину погоста. Серёга остановился и харахорясь, сказал:

- Да ничего тут страшного и нет, только тихо очень.

- Сейчас исправим это дело-

Проговорил Димка и неожиданно, во всю глотку бешено заорал:

- А – а – а - а !

Прихлопывая себя ладошкой по раскрытому рту, подражая боевому кличу индейцев.

Сперва мальчишки чуть не подпрыгнули с перепугу, а потом громко расхохотались.

Весело так стало. Серёге вдруг захотелось стать героем дня, вернее ночи. Раззадорившись, он предложил:

- Мужики, а давайте чей –нибудь памятник поломаем!

Малой с невыразимым ужасом прошептал:

- Серый, не надо, вдруг мертвяк разозлится, вылезет и с собой утащит.

Старшие дружно рассмеялись. Серёга пхикнул:

- Во дурачок, скажи, что ещё боженка накажет. Сергей резко свернул влево и сделал несколько шагов, нащупал в темноте чей – то памятник, старый, неухоженный, с облупившейся краской. Видать, давно уже сюда никто не приходил. Парень нащупал на памятнике чью – то фотографию и резко отдернул руку. Гладкая поверхность фотографии была не естественно тёплой, почти горячей, она, казалось, согрела мальчишескую ладонь. Мороз пробежал по Серёгиной спине от этого странного тепла. Он замер, охваченный трепетом, которого ещё никогда не испытывал в своей жизни. От чего она такая?!

Видя, что Серёга медлит, Димка ехидно пробасил из темноты:

- Что, Серенький, всё - таки « слабо», сам предложил, а теперь боишься?

Да как – же достали эти издёвки Дималея, нет он сейчас докажет, что вовсе не слабак. Успокаивая самого себя тем, что фотографию просто нагрело дневное солнце, она не успела остыть и потому кажется теплой на холодном железе, Сергей собрался с духом, размахнулся и со всей дури ударил по памятнику. Он глухо ухнул, словно охнул от нежданности. Дикий, какой – то сатанинский азарт охватил Сергея, он с явным наслаждением растоптал остатки памятника и прыгнув несколько раз на могильной плите, с презрением процедил:

- Ну и фигня, В воздухе запахло неприятным духом ржавчины и , на металл даже не сдашь, ржавчина одна.

Увидев, что из могилы никто не вылез, Санёк тоже осмелел и всем телом навалился на чей –то деревянный крест, стоявший рядом. Ветхий от старости крест, не выдержал тяжести и вместе с Малым, рухнул на землю. Санёк сильно поцарапал подбородок о перекладину. Раззадоренный дружками, Димка тоже решил погеройствовать. Он накинулся на мраморную стелу, возвышавшуюся справа от памятника, растоптанного Серёгой. Ну вот беда, мрамор оказался крепким и прочным и никак не хотел ломаться. Димка и тряс его и ногами пинал, ни в какую, стоит, как вкопанный. Серый с Малым стали хихикать. Димка громко, на всё кладбище обложил памятник крепким матом и подняв руку вверх, нащупал на стеле пятиконечную звезду.

- Ах ты, « совок» несчастный, ну я тебе сделаю!

Парень выхватил из кармана складной нож и выцарапал на портрете, высеченном на камне, огромный немецкий крест.

- Вот тебе!

Маленькая мраморная крошка отскочила из – под ножа и попала Димке в глаз. Раздосадованный парень, заморгал от боли и стал оттягивать веко, что – бы эта проклятая крошка вышла со слезой. Из – за туч, покрывавших небо, медленно выплыла луна, озаряя кладбище неземным светом. Хмель уже терял контроль над рассудками дружков. Ночная прохлада постепенно забиралась под рубашки и в души парней. Жутко и неудобно стало всем троим. У Димки ещё больше разболелся глаз, у Санька защипал свезенный подбородок и Малой почти взмолился:

- Пацаны, ну пошли домой.

Старшие, словно ждали этих слов и единодушно решили:

- Правда, давайте сваливать.

Назад не шли, а почти бежали, боясь оглянуться, а Серёгину голову не покидал мучительный вопрос:

- Ну почему та фотография казалась ему тёплой?

Дальше всё завертелось, как в страшном калейдоскопе. На следующий день начальник кладбища обнаружил разрушенные могилы и сообщил об этом в РОВД. Родители похороненного « афганца», памятник которому исцарапал Димка обратились с заявлением в милицию. Уголовное дело по статье 297 «надругательство над могилами»

возбудили. Участковый хорошо знал местную «босоту» и подозреваемых нашёл легко. Первым он пришёл к Саньку, один вид милицейской формы и кобуры, привёл мальчонку в неопишувемый ужас, он разрыдался и сразу же всё рассказал. Сергея и Димку арестовали, а Саньку отпустили по - малолетству. Из Италии примчалась перепуганная Димкина мамаша, стремясь спасти от тюрьмы своё непутёвое чадо, она дола родителям погибшего «афганца» деньги на новый, более дорогой памятник и наняла хороших адвокатов. За время следствия Сергею исполнилось 18, он стал совершеннолетним и отчетливо понимал, что срок ему светит приличный, вкатают, как говорят, по полной. Никаких угрызений совести, ни раскаяния о содеянном, парень не испытывал, досадовал лишь об одном:

- И надо же было так влипнуть, всё потому – то нажрался, как свинья.

Серёга, как в жизни, так и в тюрьме оставался один и никому он не был нужен. Правда, перед самым судом мать Димки решила оказать благотворительность сироте и принесла ему небольшое пакет, а в нём 2 сладких сырца, покрытых глазурью, шоколадка да огромное красное яблоко. Парень развязал передачу и с наслаждением вдохнул сладкий, пьянящий аромат, напомнивший ему и потерянное детство, и дорогую бабушку, и яблочный спас.

Вот и настал день суда. В зале заседаний все, кому положено – подсудимые, престарелые отец и мать «афганца», расфуфыренная Димкина мать, заплаканная бабушка и адвокаты, представляющие его интересы.

После коротких трений, судьи удалились в совещательную комнату и вскоре снова появились в зале для оглашения приговора. Все встали. Первым в списке значился Димка. Учитывая несовершеннолетие подсудимого и то, что нанесённый им материальный ущерб, был полностью возмещён, суд приговорил его к 2 годам лишения свободы условно. Мать Димки поднесла к глазам дорогой надушенный платочек и промокнула ним слезинки облегчения, незря всё – таки старалась. Сам Дималей торжествующе улыбался.

Поправив мантию, хрупкая и нежная навид судья, властным металлическим голосом стала зачитывать Серёгин приговор:

- За осквернение могилы Тамары Сергеевны Ивановой, подсудимый Сергей Иванов приговаривается к 3 годам лишения свободы, с отбыванием в колонии общего режима.

В мёртвой тишине зала подсудимый неожиданно вскрикнул и, как подкошенный, свалился на свою скамью. Ему показалось, что не только свод этого зала, а всё огромное здание обрушилось ему на голову. Перед глазами Сергея поплыли яркие малиновые кольца, в ушах что – то зазвенело и завывало. Он почти физически почувствовал, как шевелятся на его голове волосы. Нет, совсем не приговор привёл Серёгу в ужас, который он ещё никогда не испытывал, а имя женщины, названное судьёй. Значит он тогда, в ту ночь, находясь в безумном пьяном угаре, надругался над могилой своей родной мамы прыгал на ней и памятник, поставленный бабушкой, развалил своими собственными ногами. Кто он после этого? Сергею захотелось вскочить и со всей силы удариться виском об угол массивного судейского стола так, что – бы никчемная башка его рассыпалась, ведь ничего другого она не стоила. Глядя на состояние осуждённого, присутствующие решили, что это срок, привёл его в такое смятение. Никто и не догадывался, что приговор Серёге вынес сейчас вовсе не суд, а сама жизнь и он был куда страшнее, чем несчастные 3 года лишения свободы. Бледного, дрожащего всем телом, осуждённого С. Иванова вывели из зала..

В камере Сергей ничком упал на нары, ему не хотелось не то, что шевелиться, а даже дышать. Только сейчас всё его естество пронзила жгучая догадка:

- Так вот почему фотография была тогда тёплой! Это мама так пыталась остановить меня, уберечь от страшного греха, а я...

Теперь он совершенно ясно припомнил то место на кладбище, куда в детстве приводила его бабушка. Перед глазами стал простенький, крашенный голубым, мамин памятник и рядом мраморную стеллу со звездой. Бабушка говорила, что здесь недавно похоронили молодого парня, погибшего в проклятом Афганистане. Дальнейшая жизнь с таким тяжким камнем на сердце, Серёге казалась невозможной и невыносимой. Вздёрнуться что – ли?

В камере сидел ещё один заключенный – старый, хронический мелкий воришка дед Федя. Человек просто обездоленный, он не имел ни семьи, ни крова, тюрьма была его родным домом, попадая под очередную амнистию, дед снова старался сесть, поскольку здесь от холода не замёрзнешь и с голоду сдохнуть не дадут, хоть какая – то кормежка, да есть. Старик имел своё особенное понимание смысла жизни, которую он всёравно любил, за эту мудрость, даже тюремная охрана уважала его и называла почтительно – Фомич. Постоянно покашливая, вертясь на своих нарах, дед Федя видел, что его сокамерник не в себе, его терзают какие – то тяжкие муки

- Так и до петли недалеко,

Подумал Фомич и с трудом поднявшись с матраца, тяжело дыша подошел к парню. Он положил свою худую горячую руку на ледяное плечо Сергея и тихо спросил:

- Что, Серёжинька, сильно худо тебе? Расскажи, может, легче станет.

К Серёге так давно уже никто не обращался. В слабом голосе старика чувствовались искреннее участие и тревога, тревога за него. На парня, словно ласковым теплом дохнуло, он вскочил и дрожа всем телом, стал быстро говорить, будь – то боялся, что Фомич уйдёт. Закончив «исповедь», Серёге со стоном выдохнул:

- Ну скажи, Фомич, разве можно после этого жить?

Вместо ответа старик неожиданно крепко обнял и с неподдельным облегчением проговорил:

- Милый ты мой, Господь разные пути выбирает, что – бы наставить на путь праведный овец своих заблудших, для их вразумления и вижу он вразумил тебя. Правда?

Серёга кивнул головой и уткнулся лицом в тощую, пахнущую невымытым телом, грудь старика и беззвучно заплакал, наверное., впервые после смерти мамы.

Галина Пономарёва.